

Op 199
M 33

И. Е. Матвеевский А. В. Ефремов

Биография

001(092)
+ Dp 8

Петр Иванович РЫЧКОВ

1712 – 1777

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Г. Е. ВАЛТОВА

Q-252823
92 Op 03

Научная деятельность П. И. Рычкова чрезвычайно разнообразна. Генерал, журналист, историк, экономист, педагог, автор многочисленных печатных трудов, он занимался преподаванием математики и публицистикой в различных учебных заведениях — «Семипалатинский университет», а также в различных учреждениях и Струцкой школе. Впечатлительным человеком Пётр Иванович представлялся современникам. В нём сочетались скромность, открытость, умение слушать, а также умение отстаивать свои взгляды и принципы. Он был человеком, который не боялся высказывать своё мнение и отстаивать свои принципы.

МОСКВА

«ИЛ»

1991

Оренбургская областная научная библиотека им. Н. К. Крупской

Op 199

1733

*П.Е.Матвиевский
А.В.Ефремов*

**Петр Иванович
РЫЧКОВ**

В. Н. Татищев, обращая в 1750 г. внимание Академии наук на П. И. Рычкова, имел в виду не столько работы, которые уже выполнял любознательный молодой чиновник, по существу, не имевший образования, сколько его большие способности к научному исследованию, много обещавшие в будущем. Замечательный ученый, Татищев умел оценить потенциальные возможности своего подопечного и увидеть, что от него можно ждать немалой пользы для русской науки. Поощрение от Академии должно было, по мнению В. Н. Татищева, послужить стимулом для дальнейшего самоусовершенствования и творчества. Именно поэтому в письме к И. Д. Шумахеру от 30 мая 1750 г., написанном за два месяца до кончины, он просил «учинить» П. И. Рычкова почетным, или, как значится в тексте письма, опубликованном П. П. Певарским [334, С. 28], «почетным», т. е. уважаемым, членом Академии.

Особо В. Н. Татищев отмечал интерес П. И. Рычкова к истории и считал, что, «яко великий к тому охотник», он мог бы войти в Академию наук наряду с историком Г. Ф. Миллером. «Я хотя разумею, что г. профессор Миллер, — подчеркивал в письме Татищев, — как человек преуčenный и многим читаным преисполнен, памятью и рассуждением предарен, однакож неудобно в древней истории все одному последовать» [334, С. 28—29].

Это письмо не нашло отклика в Академии наук, переживавшей трудный период. Шла борьба между истинными учеными и бюрократически настроенными чиновниками, которые не были заинтересованы в развитии русской науки. Шумахер не дал ходу просьбе В. Н. Татищева, и дело заглохло.

Однако спустя пять лет П. И. Рычков изложил о себе первой частью «Топография Оренбургской губернии», представленной М. В. Ломоносовым в одобренной академическом собрании. Провозвела впечатление и другие работы оренбургского исследователя, который, несмотря на отсутствие академических званий и отличий, продолжал успешно трудиться и завоевал авторитет среди ученых.

Покажется, что именно Г. Ф. Миллер, которого упоминал Татищев, противопоставлял ему Рычкова, обратил на эти работы внимание и начал публиковать их

в 1755 г. без ведома автора в новом академическом журнале. Именно Г. Ф. Миллер, вернувшийся из многолетней Камчатской экспедиции, познакомился с П. И. Рычковым и в 1757 г. стал инициатором их переписки, сотрудничества и дружбы. Никто иной как конференц-секретарь Академии наук Г. Ф. Миллер снова начал в 1758 г. хлопотать о его «определении в академические почетные члены».

П. И. Рычков, человек по натуре скромный и очень строго оценивавший свои успехи в науке, просил Миллера о представлении в члены Академии, так как рассчитывал, что это поможет ему улучшить условия работы. Он писал: «Ежели б возможно и непротивно было... по силе регламента императорской Академии Наук причислить меня... в титулярные ее члены для истории и об оном в оренбургскую губернскую канцелярию дать знать, то тем не только б подался мне лучшее и удобнеее способы все то свободно и охотно исполнить, что в нашей стороне оная Академия признает и меня определит... но и от всякого пререкания и перегородания совершенно б уже свободен я был» [334. С. 41].

30 марта 1758 г. Г. Ф. Миллер в доложении Академической канцелярии сообщил о просьбе П. И. Рычкова, указав на его прошлые научные заслуги и на «немалую пользу», которую он несомненно принесет Академии наук, и просил вынести соответствующее «определение». Однако из его письма Рычкову, написанного два месяца спустя, 30 мая, видно, что добиться успеха было нелегко, хотя, по его словам, президент обещал удовлетворить просьбу. Дело не двигалось, так как, во-первых, не было прецедента («примера еще такова нет») и, во-вторых, были и другие охотники до почетного звания. «И больше кажется,— писал Миллер,— что надлежит прежде почтить сим званием некоторых из первейших особ здешних» [334. С. 42].

Решение академической судьбы П. И. Рычкова связано с именем М. В. Ломоносова, который поддержал его, когда 20 ноября Г. Ф. Миллер повторил ходатайство, направив соответствующий доклад на имя президента Академии наук, М. В. Ломоносов, непримиримо борозившийся с засильем иностранцев в Академии, стремился всячески привлечь в нее талантливых русских ученых, которые доказали бы, «что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская

М. В. Ломоносов

желая рождать. Поэтому он с готовностью откликнулся на просьбу Рычкова. Он признавал ценность исследований оренбургского ученого и одобрил его «Топографию», вместе с другими академиками представил ее к печати в 1755 г.

Однако в то же время М. В. Ломоносов очень высоко ценил звание члена Академии наук, призванное обеспечить высшую по тем временам образованность и ученость. С этой точки зрения П. И. Рычков, не закончивший никакого учебного заведения, по существу самоучка, не мог удовлетворить всем требованиям, которые ставились перед членом Академии.

М. В. Ломоносов нашел выход в учреждении нового звания — члена-корреспондента Академии наук. Среди

рукописей сохранялся его собственноручный черновик «представления» на имя президента:

«1. Выписать из дела о Рычкове.

2. Определено доложить его сиятельству, чтобы для важности и славы Академии Наук без довольного рассмотрения в оную Академию членом не принимать, а особливо тех, кои общего в ученом свете латинского языка основательно не знают, в главных науках, ученому человеку необходимо нужных словесных наук, также математики по последней мере элементарной и философии не слушали и не разумеют. Но только тех по разбору в члены вписывать, которые в вышепомянутом звании имеют, а особливо себя показали в чем ученому свету. Не смели кто вышепомянутых знаний, требуемых для надлежащего члена не имеет, а может какими записками и известиями служить Академии, таких принимать в корреспонденты, и для того по примеру Парижской Академии наук учредить класс корреспондентов, которым на то давать дипломы. И для первого произведения в действие сего учреждения принять в академические корреспонденты господина советника Рычкова и дать на то диплому 1759, генваря 21».

Тем же числом датировано и само «представление», которое, кроме М. В. Ломоносова, подписали академики И. И. Тауберт и Я. Штеллиа. Видно, что оно составлено на основе приведенного выше текста:

«Представление

Прошлого 1758 года марта 30 дня поданным в Канцелярию Академии наук от г. конференц-секретаря и профессора Мидлера дошешнем, а ноября 29 дня вашему высокографскому сиятельству докладом представлено, что от обретающегося в Оренбургской губернии г. коллежского советника Рычкова присланы в Академию Наук разные его сочинения и переводы, из которых иные напечатаны в «Ежемесячных сочинениях», а другие еще не напечатаны, так же и впредь присылать он обещает, а особливо прислать находящиеся в Оренбурге как тамошним местам, так и большей части Сибири оригинальные ландкарты и геодезические описания, сочиненные прошлых от 1738 по 1758 год, что для поправления «Российского атласа» весьма потребно, а за сию его, г. Рычкова, услугу просит он в награждение, чтоб определить его почетным членом императорской Академии Наук. А по мнению Канцелярии академической кажется, что для важности и славы Академии

Науки без дальнейшего рассмотрения в оную членом не принимать, а особливо тех, кои общего в ученом свете латинского языка основательно не знают и главных ученому человеку необходимо нужных словесных наук, также математики, по последней мере элементарной, и философии не разумеют, но только тех по разбору в члены писать, которые в вышепомянутом знании имеют, а особливо себя показали в чем ученому свету, по ежели кто хотя вышепомянутых знаний, требуемых для надлежащего члена, не имеет, а може какими письмами и известиями слушать Академия, таких принимать в корреспонденты, и для того по примеру Парижской Академии наук не сообразовано ли будет учредить класс корреспондентов, которым давать на то дипломы, и для произведения в действо сего учреждения принять в академические корреспонденты вышеобъявленного г. советника Рычкова и дать на то диплому.

Михайло Ломоносов

Иван Тауберт

Я. Штелих

Генваря 21 дня 1759 года.

Президент Академии наук К. Г. Разумовский утвердил предложение и М. В. Ломоносова 25 января доложил на заседании Академического собрания о решении учредить класс академических корреспондентов [265. Т. 10. С. 619—620], а 28 января был подписан указ Кancelарии, содержащий слова, которые фигурировали и в черновике записки М. В. Ломоносова: «И печать сие учреждение приятьем в такие корреспонденты с данным дипломы господина коллежского советника Петра Рычкова ...а господину Рычкову объявить об избрании и включении его чрез господина секретаря Конференции, а для посылки к нему заготовить диплому».

В дипломе П. И. Рычкова, подписанном 16 августа 1759 г. президентом и секретарем Академии наук Г. Ф. Маллером, говорится: «Я, граф Кирил Разумовский... по дашой мне от Августейшей государыни власти, высоко-достойного мужа советника Петра Рычкова причисляю в члены (в число) тех, которые с Императорскою Академиею наук производят литературную корреспонденцию, и для всегдашнего о том знания сего дипломою торжественно декларую, имея твердую надежду, что Академия и свободные науки от той корреспонденции, кою они с поминутым высокодостойным мужем

будут продолжать, знатную пользу получить имеют».

П. И. Рычков получил этот диплом вместе со следующим письмом Миллера, которое он перевел с немецкого и поместил в свои «Записки»: «Высокоблагородный господин советник! При сем получите вы диплом о приятии вас в число академических корреспондентов. Она служит в доказательство, коим образом Академия, в одну сторону уважая заслуги вашего высокоблагородия, которых вы к поспешествованию наук и к пользе Отечества уже učinяли; в другую — столько желает она вперед иметь пользы от прилежания и искусства вашего. Вы еще верны в России, которому от вас она честь отдается. Оную получаете вы не чрез искание ваше, ниже по представлению ваших друзей, ибо вы сами персонально Академии известны, но сведомы единственно по вашим письмам, которые вы для распространения наук и для споспешествования общей пользы, сочинили, також и чрез вашу, бывшую со мною корреспонденцию, чрез которую Академия различными образы пользы свои имела.

Сия обстоятельство изъявляют ныне сущее достоинство той дипломы. Теперь зависит от вашего высокоблагородия та надежда, которая Академия на вас имеет, от времени до времени наиболее возвращать» [59, С. 315].

Итак, звание корреспондента Петербургской Академии наук по инициативе Ломоносова было учреждено в 1759 г. для прилечения к работе в Академии русского ученого П. И. Рычкова. Впоследствии Ломоносов требовал точно придерживаться этого звания и выступил с протестом, когда Миллер назвал Рычкова не «корреспондентом», а «членом корреспонденции» [126, С. 488]. Вплоть до 1776 г., когда это звание получили участники Академической экспедиции К. И. Габлиц и А. Соколов, П. И. Рычков оставался единственным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

Избрание в члены Академии совпало с временем, когда обстоятельства заставили П. И. Рычкова все серьезнее думать об отставке. Его утомило ответственное положение при «губернских и заграничных делах», тем более что, как говорил он в «Записках», этих дел было много, «как никогда»; касались они невротных отношений со странами Азии и осложнений «со стороны Китайского государства» [59, С. 312]. В начале 1759 г. «от многих канцелярских трудов и беспокоества» ухудшилось здоровье, в котором он почувствовал «великую перемену».

Поэтому П. И. Рычков стал настаивать, чтобы «спирон» назначили нового губернатора. В июле 1759 г. этот пост занял А. Р. Давыдов. Он намеревался и в дальнейшем привлечь П. И. Рычкова и А. И. Тевкелова к решению ответственных вопросов управления губернией. В составленном тогда же «определении» он отмечал их компетентность в секретных и заграничных делах, особенно выделяя П. И. Рычкова. «А что до советника Рычкова касается, — отмечалось в документе, — то он, еще будучи ассесором, при всех тех делах находился». Учитывая, что «он Рычков, будучи в Оренбурге наравне, о происхождении заграничных дел обстоятельно сведом», ведение этих дел Сенат возложил на него вместе с Тевкеловым. Хану Нурали велено было знаться именно с ним. «Того ради, — писал Давыдов, — по силе означенных... указов и обстоятельств, при тех секретных и заграничных делах и выше им, генерал-майору Тевкелову и советнику Рычкову присудствовало с ним, тайным советником и губернатором обще и отправлять те дела тем же порядком и формой, как оные должны ведены были»⁴⁷.

Однако П. И. Рычков в это время уже всецело был поглощен службой. Многочисленные обязанности чиновника мешали его научным занятиям. В письме к Миллеру, написанном в конце 1759 г., сообщая о намерении представить вторую часть «Топографии Оренбургской губернии», он сетовал, что не встречает понимания у окружающих. «Критика и негодование, — писал он, — которыми новые дела часто подвержены бывают, и у нас в тех моих стараниях не редко самые лучшие случаи из рук у меня отнимают, ибо почитается то иногда за ненадобное, а иногда к должности моей непринадлежащее» [334 С. 41]. Биографы склонны видеть в этой жалобе указание на изменение к худшему обстановки вокруг него после отъезда И. И. Неплюева.

Здоровье, видимо, тоже оставило желать лучшего. Поэтому Рычков последовал рекомендации оренбургского доктора А. А. Риндера «поддержать себя в покое» и в декабре 1759 г. подал «стелобитву» в Сенат с просьбой о длительном отпуске. Подучив 16 марта 1760 г. увольнение от службы на год для «рекреации» и излечения от болезней, он уехал с семьей в Спасское.

⁴⁷ ГАОО. Ф. 3, оп. 1, д. 59 (Определение по секретной и заграничной комиссиям, 1759). Л. 261—263.

Удаленность от Петербурга не мешала П. И. Рычкову чувствовать себя членом Академии наук. Академическое звание он оправдывал постоянными научными исследованиями, тематика которых была связана с изучением Оренбургского края и как нельзя лучше соответствовала интересам Академии наук в то время.

Природная любознательность заставила его смелому собирать сведения обо всем достопримечательном, с чем приходилось сталкиваться на осваиваемых землях. «Я сначала бытности моей, — писал Рычков, — там по охоте моей, старался и всегда стараюсь, дабы чрез посылаемых в те места, где что-либо курьезное есть, достоверно разведывать, а иногда и описывать» [334, С. 41]. Эту склонность своего члена-корреспондента широко использовала Академия наук, перед которой стояла задача комплексного изучения природы Российского государства.

1 февраля 1765 г. Академия разослала губернаторам отдаленных окраин, в Казань, Оренбург, Астрахань и т. д., указ и наставление «о присылке для размножения императорской курьезамеры всякого рода курьезные натуральные вещи, которые бы могли служить вверде французскому описанию Российской империи, яко то: птицы, звери, рыбы, гады и всякие насекомые. Также минералы, семена всяким лесным, полевым и водным плантам и растениям» [426, С. 628]. В эту работу, соответствовавшую его интересам, П. И. Рычков включился с присущей ему энергией.

Еще в 1759 г. он в ответ на просьбу Г. Ф. Миллера послал в Академию наук несколько экспонатов с их описаниями для «натурального кабинета» А. С. Строганова. Намереваясь пополнить коллекцию любознательными и мало известными в науке того времени образцами, ее владелец должен был обратиться за помощью к знатокам осваиваемых областей Российского государства. Лучшего поставщика таких научных «раритетов», чем трудолюбивый исследователь из далекого Оренбургского края П. И. Рычков, найти было трудно.

Понимая это, Г. Ф. Миллер перечислил несколько интересных, с его точки зрения, природных объектов (образцы минералов и руд с указанием их месторождений, в частности: соли из Илецка и окрестностей Самары, гнездо птицы ремеза, чучело земляного зайца,

Петербургская Академия наук, XVIII в.

белужий камень, изображенно выхухоли и т. д.) и поставил перед Рычковым ряд связанных с ними вопросов. «Подробные ответы на эти вопросы, — писал Миллер 25 февраля 1759 г., — будут помещены в изданиях Академии наук». При этом он сослался на публикацию Рычковым статьи касательно выхухоли, что заслужило похвалу не только в России, но и иностранных народов [334. С. 89—90].

П. И. Рычков усердно взялся за работу и выполнял ее со свойственной ему тщательностью. Уже 6 мая 1759 г. он отправил чучело выхухоли с описанным животного, 13 мая — три гнезда ремеза, присланные по его просьбе из Исетской провинции, а затем несколько чучел этой птицы. Он собрал сведения о местах ее обитания и образе жизни, привел литературные данные и собственные наблюдения, а также сообщил, что в народной медицине считается полезным для здоровья окуривать жилище углями из гнезда ремеза. В нескольких письмах Рычкова описаны камни, которые иногда обнаруживаются в теле рыбы (белуги) или животных (баранов, диких кабанов). В январе 1760 г. он сообщил Миллеру о редкой для Европы птице — водяном поробье, или оляпке, а в июле 1761 г. послал ему саму птицу, застреленную в Спасском, и описал ее повадки. В письме от 6 апреля 1761 г. дано описание местных пород овец — курдючной «киргизской» и «трухменской» (или бузарской) и сделаны заметки об их содержании [334. С. 89—95].

Sehr lobt die Königl. Majestät in Wien

Alles was ich von der Königl. Majestät in Wien
erfahren habe, ist mir sehr angenehm, und ich
hoffe, dass die Königl. Majestät in Wien
die Sache sehr wohl wird anstellen lassen.
Ich habe die Ehre, Ihnen dieß zu schreiben,
und bitte, Sie zu entschuldigen, dass ich
nicht früher geschrieben habe.

Wien den 20ten März 1762

Ihre ergebene
Dienerin

Josephine

Josephine von Bayern

Die Königl. Majestät in Wien haben die Ehre,
Ihnen dieß zu schreiben, dass die Königl. Majestät
in Wien die Sache sehr wohl anstellen lassen
werden, und ich bitte, Sie zu entschuldigen,
dass ich nicht früher geschrieben habe.

вопрос интересовав Парижскую Академию наук, по поручению которой к Миллеру специально обратился Дю Гамель.

В 1762 г. Рычков обратил внимание на «черни» — сельскохозяйственного вредителя, появившегося после дождливой погоды и тщательного «выжоложенного» поля хлеба и пруса, которые в результате оказались свободными от лебеды и осота. Он писал о явном мамонте

Списокъ вещей!

Мѣсяца Сѣнвѣрскѣмъ 1763 года.

Въ 1763 году купленъ былъ у графа Ол.
тенича съ 12 сотами, купленъ 1 саженъ сѣверной
дубы 1 пудъ ильмовыя, купленъ урѣзанъ съ 12 саж.

1) Купленъ былъ урѣзанъ сѣверной сѣверной урѣ
занъ или купленъ купленъ купленъ. купленъ 12
съ 12 сажъ купленъ.

2) Купленъ былъ купленъ или купленъ купленъ купленъ
купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ, а
купленъ съ 12 сажъ купленъ купленъ купленъ.

3) Купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ, купленъ купленъ
купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ
купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ
купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ

Купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ, купленъ купленъ
купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ
купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ
купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ
купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ
купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ
купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ
купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ купленъ

Сообщение П. П. Рычкова В. Г. Орлову об оренбургской кошенили

в два с половиной аршина и об осяменном дереве, об-
наруженном на рудниках Ивана Твердышева.

К 1763 г. относится сообщение Рычкова, вызвавшее
в Академии наук большой интерес. Он описал встре-
чающиеся на горных земляниках шаржи с червцом
внутри, подобным кошенили: местные жители, соби-
рая оные шаржики из под клубнички во свое время,
красят шерсть и другие вещи в самую хорошую и нар-

Ваше письмо, в котором вы говорите, что открыты ископаемые
кости в Оренбургской и Казанской губерниях, мне чрезвычайно интересно
и я вам благодарю.

Ваше сообщение о том, что в Оренбургской губернии открыты
кости ископаемых животных, мне очень интересно. Я бы хотел
знать, какие кости это были, и в каком количестве. Если бы
было возможно, то я бы хотел видеть их. Я бы хотел
знать, в каком месте они были найдены, и в каком количестве.
Я бы хотел знать, в каком месте они были найдены, и в каком количестве.
Я бы хотел знать, в каком месте они были найдены, и в каком количестве.

Ваше сообщение о том, что в Оренбургской губернии открыты
кости ископаемых животных, мне очень интересно. Я бы хотел
знать, какие кости это были, и в каком количестве. Если бы
было возможно, то я бы хотел видеть их. Я бы хотел
знать, в каком месте они были найдены, и в каком количестве.

Ваше письмо, в котором вы говорите, что открыты ископаемые
кости в Оренбургской и Казанской губерниях, мне чрезвычайно интересно
и я вам благодарю.

Ваше письмо, в котором вы говорите, что открыты ископаемые
кости в Оренбургской и Казанской губерниях, мне чрезвычайно интересно
и я вам благодарю.

мазню подобную краску» [334, С. 98]. Миллер ответил
в письме от 4 августа: «Открытие такого неизвестного
в натуральной истории предмета, как кошениль в Орен-
бургской и Казанской губерниях и притом на кустиках
земляники, заслуживает великой признательности.
Я не премину описать это во всеобщую известность
для вашего прославления» [334, С. 98]. Позднее
П. И. Рычков опубликовал статью об оренбургской ко-
шениле [19], а при ее обсуждении почетный член
Академии наук Н. Г. Медель для проверки выводов
автора произвел сравнение полученной из нее краски

с краской на американской и польской копенгаги [363, С. 253].

15 ноября того же года Рычков препроводил в Академию наук три плитки самородной флюсовой известки, употребляемой на местном магнезитовом заводе вместо жженой известки. В том же письме он просил прислать «для пробы и выду» кусочек наилучшего каменного угля, чтобы сравнить его с местными образцами. В конце года он послал для передачи М. В. Ломоносову образцы уральских медных руд.

1 сентября 1767 г. Рычков отправил Миллеру описание (впоследствии утерянное) земляного зайца — зверька, по его словам, «весьма курьезного»: когда он скачет, то «больше скак на прекрасную птичку, нежели на зверючка» [334, С. 101—102]. В Академию наук были отосланы также «учулки» этого животного, которые рассматривались на заседании академической конференции 2 ноября 1767 г.

Многие из сообщений П. И. Рычкова были опубликованы в академическом журнале «Ежемесячные сочинения и переводы, и польное и увеселение служащих», другие — с 1765 г. — в «Трудах Вольного экономического общества»; некоторые остались неопубликованными.

Говоря о связях П. И. Рычкова с Академией наук, необходимо остановиться на его отношениях с М. В. Ломоносовым в эти годы. Они встретились в Петербурге на академическом заседании 12 февраля 1761 г. Рычков вспоминал, что на этом заседании «удостоился похвалу и благодарности получить» за посланные в Академию труды, а особенно за сочинение «Оренбургского исторического и географического описания» [334, С. 45—46].

Но как раз в это время из-за обострившихся разногласий с Г. Ф. Миллером Ломоносов сформулировал несколько обвинений против него и направил их президенту Академии. Одно из них касалось П. И. Рычкова в связи с его академическим титулом. Он писал: «Г. Миллер не только пишет, но и печатает ложь и общество обманывает, например Рычкова представил почетным членом. А как его по справедливости сделали только корреспондентом, то Миллер печатал его членом корреспонденции в противность определения и обыкновения. Из сего и из многих примеров видно, коль несправедливы бывают протоколы конференции, кои он один подписывает» [334, С. 46].

По-видимому, разговоры об этом велись и раньше и дошли до П. И. Рычкова, так как он еще 17 мая 1760 г. писал Миллеру: «Я не признаваю никакой дифференции в том, чтоб именовать корреспондентом или членом корреспонденции. Мне кажется первое еще и преимущественнее, разве в ваших академических поведених инаково... А в никаких высших преимуществ не требую, но еще и прошу, дабы для избежания критики и всяких споров при сочинениях моих имен не ставить» [333, С. 70—71]. В то же время Рычков был уверен, что причина недовольства М. В. Ломоносова кроется совсем не в недостатках его работ, которые, как он знал, напротив, получили высокую оценку академика. И его совсем не радовало «соучастие» в академическом конфликте. покинув Петербург в марте 1761 г., он долго не писал Миллеру, и тот считал, что это молчание — следствие этих событий. Однако Рычков объяснил, что причиной было весеннее распустье, в их отношении стали прозябать.

Оренбургский край всегда вызывал у М. В. Ломоносова большой интерес. Он понимал, что изучение этой многонациональной окраины России будет стимулом развития русской науки — не только естественно-географических дисциплин, но и востоковедения. Поэтому в своем проекте преобразования Академии наук и университета ученый доказывал необходимость основания кафедры «ориентальных языков» [114].

Сообщения Рычкова, неутомимого исследователя и знатока Оренбургского края, М. В. Ломоносов ценил, находя в них новые полезные сведения. Рычков не только глубоко почитал знаменитого академика, стремился поддерживать с ним связь. Так, 31 августа 1763 г. он обращался к Миллеру с просьбой: «Ежели нетрудно и напротивно, покорно прошу вас уведомить меня: Михайло Васильевич Ломоносов где и как ныне находится?» [333, С. 88].

Отношения между ними оживились в 1764 г. в связи с описанием руд и минералов, нужным для сочинения, которое задумал, но не успел донести до конца академик. 20 декабря 1763 г. был объявлен указ заводчикам, в котором говорилось: «Автор книги, именуемая: Первые основания Металлургии, статский советник и профессор Ломоносов, намерен для общего знания и приращения рудных дел во всей Российской империи сочинить описание руд и других ми-

пералов, находящихся на всех российских заводах; из чего б составить общую систему Минералогии Российской и показать физическим и химическим основаниям в предводительство правил и приметы рудным местам для прииску, много точнее, нежели поныне известны» [126, С. 625—626]. Поскольку для осуществления этого полезнейшего проекта требовались образцы минералов, но «всем содержанием разных заводов» не управлялась просьба доставить Ломоносову образцы руд и минералов. Получив его, П. И. Рычков писал Г. Ф. Миллеру 18 апреля 1764 г.: «Вчерась получен в заводскую мою контору указ из горного начальства, чтоб по требованию Михайла Васильевича Ломоносова всем заводчикам сообщать к нему руды и минералы со описанием. И я намерен о моих рудах послать к нему описание и пробы» [333, С. 71]. Через несколько дней, 1 мая 1764 г., он поспешил отприванить Миллеру пакет с образцами медных руд и их описанием и просил передать его М. В. Ломоносову, а осенью, получив новые сведения, дополнил прежнее сообщение. «Не знаю я, — писал он 27 ноября, — каково показалось Михайле Васильевичу Ломоносову описание мое о рудах. Ныне приехали ко мне с уральских моих рудников люди. И из разговоров с ними приметил о положении тамошних руд такое обстоятельство, которое, как мне мнится, недовольно я изъяснил в моем описании». И далее, описав расположение пластов руды в районе Уральских гор, он заметил: «Кажется мне достойно особого примечания и рассуждения. Мне мнится, что всему тому, а может и происшествию тех самых гор причена когда-нибудь бывшее великое землетрясение, либо наводнение. Не расудите ли вы мне при случае Михайле Васильевичу сообщить» [333, С. 72].

Ломоносов одобрил это сообщение, как и предыдущую записку, которая впоследствии была обнаружена в его бумагах [126, С. 628]. Миллер писал Рычкову 24 декабря: «Сегодня все наше академическое общество обедало у его сиятельства графа Григория Григорьевича Орлова. При этом случае я виделся также с г. Ломоносовым и показывал ему ваше известие о рудах на Урале. Оно было ему приятно, и он обещался письменно поблагодарить, как за это так и за прежние сведения» [126, С. 628].

«Я рад, — отвечал П. И. Рычков 15 января 1765 г., — что Михайле Васильевичу Ломоносову понравилось

Perenissimae ac Potentissimae Imperatricis
ELISABETHAE AUGUSTAE
totius Russiae Imperatoris

EST CAROLUS COMES DE HOLTYMOWICZ

Sacris Imp. Majestatis Russicae ad utramque Byzanthinam Imperatricem

et Imperatricem totius Imperatoris Russici

Caesares Imperatricis Russicae, Academicis Imp. Russicis Praesidi

multis praeterea Universitatibus Russicis

utramque P. Imper. Aquilae Russicae et Praesidi Imp.

pro salute et ANNO 1784 mibi comite

Ulrico Augustino, Comitem Petrum Augustinum

in comitem etiam, quatenus Imperiali Academiae Praesidi a Imperatoris Russici, mibi, si per se situm, et Imperatricem

Academiam hoc diploma dedit

Im. Praesidi, et Academiae et Imperatrici Russicae, mibi, si per se situm, et Imperatricem

Academiam hoc diploma dedit

Imperat. A. C. 1784. de suo Imperat.

Car. G. de R. Comite

Im. Praesidi
Paul. Imperat. et Imperatrici

Диплом члена-корреспондента Петербургской Академии наук П. В. Рычкова

сочинение мое о рудах и минералах». Из дальнейшего текста видно, что он с нетерпением ждал ответа. Но обещанное письмо так и не пришло: 4 апреля 1765 г. М. В. Ломоносов скончался.

Одобрение Ломоносова придавало Рычкову уверенность в пользаности его сообщения, которое он опубликовал впоследствии под названием: «О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии» [16]. Отправив рукопись в журнал, он писал Миллеру 28 июня 1766 г.: «Ныне... послал я представление о адеших рудах на том основании, как и к покойному Ломоносову писал. Он отзывался мне весьма им довольным, согласуя с моим мнением».

Деда семейные

В конце 1761 г. П. И. Рычков, все сильнее испытывая материальные трудности, впервые попытался вернуться на службу. Он хотел получить освободившееся место директора казанской гимназии, не связанное с такими «большими трудами и беспокойствами», как в Оренбурге, но дающее в год 600 р. жалованья. Обращаясь к Г. Ф. Миллеру с просьбой похлопотать за него, он писал: «Сие место... по моим летам и по моим склонностям... кажется для меня не несходно б... Буду и не в дальности от моих деревень и заводов, но и будучи в Казани править мне не трудно» [334, С. 49]. Однако в ответном письме Миллер сообщил, что желанное место уже занято.

Между тем забот у П. И. Рычкова прибавлялось. Семья росла. В 1761 г. родилась дочь Анна, в 1762 г. — сын Ксенофонт. Воспитание и образование детей занимали важное место в его жизни. Он сам обучал их основам наук, приглашая себе на помощь лишь преподавателей немецкого и французского языков [338, С. 289]. Судя по тому, что сыновья впоследствии быстро проходили университетский курс, в роли педагога П. И. Рычков выступал успешно. Это и неудивительно, так как он, вне сомнения, принадлежал к ученейшим людям России. Но, не получив сам систематического образования, он хотел, чтобы дети не испытали связанных с этим неприятностей. Директорский пост в казанской гимназии казался ему привлекательным «особливо для воспитания малолетних детей своих» [334, С. 49].